

АНДРЕЙ А. АРСЕНЬЕВ

ИССТУПЛЕННАЯ НЕДЕЛЯ

Андрей Арсеньев

Иступлённая неделя

«Издательские решения»

Арсеньев А. А.

Исступлённая неделя / А. А. Арсеньев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854389-0

Казалось бы, чета Набатовых — настоящее воплощение идеальной семьи: отец — преуспевающий художник, очаровательная мать и прекрасная дочь. Но вдруг необъяснимо исчезают супруга и ребёнок. Полицейское расследование продвигается медленно, а окружающие будто сговорились против потерявшего семью мужчины. Обнаружив в квартире загадочный символ, главный герой выходит на след кровавого культа. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-854389-0

© Арсеньев А. А.
© Издательские решения

Содержание

День первый	6
1	6
2	9
3	12
4	15
День второй	18
1	18
2	22
3	25
4	27
5	31
День третий	33
1	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Исступлённая неделя

Андрей А. Арсеньев

*«Зерна упали в землю, зерна просят дождя
Им нужен дождь.
Разрежь мою грудь, посмотри мне внутрь,
Ты увидишь, там все горит огнем.
Через день будет поздно, через час будет поздно,
Через миг будет уже не встать.
Если к дверям не подходят ключи, вышиби двери плечом.*

*Мама, мы все тяжело больны...
Мама, я знаю, мы все сошли с ума...»*

(Виктор Цой)

*«По мне, неспособность человеческого разума соотнести между
собой все,
что только вмещает в себя наш мир, – это великая милость»*
(Говард Филлипс Лавкрафт)

Редактор Вадим Кузнецов

© Андрей А. Арсеньев, 2018

ISBN 978-5-4485-4389-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День первый

1

Олег Набатов, сирота с рождения, и представить себе не мог, что в тридцать три года его жизнь кардинально изменится в лучшую сторону. До восемнадцати лет Олег воспитывался в областном детском доме, в Волхове, а после совершеннолетия государство выделило ему узкую комнату в коммунальной квартире. В самом начале «взрослой жизни» у парня возникли трудности с трудоустройством, но художественный талант, который Олег обнаружил у себя лет в десять, помог найти свое место в жизни. Набатов стал штатным художником местной газеты «Волховские огни», и его иллюстрации начали появляться практически в каждом выпуске. Иногда его рисунки публиковались и в других изданиях, более крупных, нежели газета провинциального городка, а пару раз художник даже получал заказы от солидных мужских журналов. Те, в свою очередь, не жадничали и награждали Олега внушительными гонорарами. В 2010 году у художника родилась дочь, но к этому моменту новоиспеченный отец уже имел внушительную базу клиентов в Интернете, и не переживал за финансовое будущее своей семьи. Конечно, о приобретении отдельного жилья в собственность речи пока не шло, но надежда на улучшение жилищных условий росла и крепла. Олег уже задумывался снять на длительный срок квартиру для своей семьи.

Но к 2015 году «надежда», судя по всему заболела, и с каждым днем ей становилось только хуже.

Все изменил счастливый случай. Олег думал, что такое может произойти только в кино или какой-нибудь книжке, но никак не в реальной жизни. Пару месяцев назад он получил письмо по электронной почте от огромного книжного издательства в Санкт-Петербурге с предложением приехать на собеседование. Не веря, что это происходит с ним, Олег позвонил по указанному в письме номеру. Девушка с приятным голосом все подтвердила и даже назначила время собеседования. Радуюсь успеху, художник сообщил об этом Катерине, своей супруге, но та не выказала особой радости. Женщина боялась переезда в северную столицу. Она двадцать восемь лет прожила в маленьком городе и боялась, что мегаполис сожрет их семью, и Набатовы станут такой же серой массой, как миллионы других семей, населяющих огромные города. Но, с другой стороны, – через два года дочь пойдет в первый класс, а образование лучше получать в большом и богатом городе. По крайней мере, так люди говорят. Супруга согласилась с Олегом, и он поехал в Петербург на собеседование, взяв с собой внушительную папку с работами.

Собеседование он успешно прошел и в тот же день подписал трудовой договор. И что больше всего радовало Олега, так это то, что работодатель на первый год решил вопрос с жильем, снял семье Набатовых двухкомнатную квартиру. Пускай, и на первом этаже пятиэтажной «хрущевки», главное – его семья наконец-то будет жить в отдельной квартире, а у дочери будет своя комната.

И вот сейчас – прохладным августовским вечером, Олег сидел за рулем старенькой «Лады» одиннадцатой модели. Дочь заснула на заднем сиденье, а супруга, сидевшая на пассажирском кресле, всю дорогу молчала. Олег знал: Катерина боится большого города, и она не раз говорила об этом. Но все же молодой художник надеялся, что через несколько недель, может месяцев, все пройдет. Супруга привыкнет к суете северной столицы и вновь начнет улыбаться своей замечательной улыбкой, в которую Набатов влюбился с первого взгляда.

– Катюш, ну не переживай ты так. Мы же едем навстречу нашему светлому будущему, – Олег улыбнулся и погладил жену по коленке.

Катерина вздрогнула и повернулась к нему. Мужчина будто ощутил, как напряжена его жена. Увидел, как сильно она побледнела.

«У женщины просто стресс из-за переезда, скоро она вновь станет прежней»: – подумал Олег.

– Ты же знаешь, как я отношусь к большим городам, – Катерина вздохнула. – Мне кажется, что у нас там ничего не получится, и тогда мы можем остаться ни с чем.

– Ты не веришь в своего мужа? – Олег наигранно обиделся.

– В тебя я верю, – супруга улыбнулась, а затем отвернулась и уставилась в окно. – Я не верю в большие города.

Перед выездом она надела черное платье, подол которого доходил почти до пят, забрала длинные светлые волосы в хвост на затылке. Стала похожа на монашку. Олег знал, что его жена одевается по настроению. Если Катерина в хорошем расположении духа, то ее наряды всегда пестрят яркими цветами, а если встала «не с той ноги», то надевала черное или серое. В последние несколько лет она и дочь стала одевать по собственному настроению, и это ужасно раздражало Олега.

Счастливый семьянин посмотрел в зеркало заднего вида. Ксюша, одетая в длинную черную юбку и серый свитер с высоким воротом, мирно спала, лежа на заднем сиденье. Его маленький ангел. Боже, как же она похожа на свою мать: такие же пышные светлые волосы, милое личико и большие серые глаза. Когда девочка вырастет то, безусловно, станет такой же красавицей, как и мама.

– А ты свои рисунки не забыл? – Катерина отвернулась от окна, лицо по-прежнему было бледное.

– Мои работы уже в нашей новой квартире, – Олег вновь погладил супругу по коленке, отметил про себя, что нога Катерины холодная. – Ты замерзла?

– Нет. А документы где?

– Все наши документы в бардачке, – Олег открыл крышку и продемонстрировал жене увесистую папку.

– Хорошо, – супруга вновь повернулась к окну и через секунду добавила: – Это не наша квартира.

«Скоро у нас будет своя квартира в Санкт-Петербурге»: – подумал Олег, но вслух не сказал.

Еще два дня назад грузчики на «Газели» отвезли весь семейный багаж в Санкт-Петербург. Олег ездил с ними, чтобы проконтролировать работу, вдруг чего разобьют или украдут. В съемной квартире была мебель и бытовая техника, так что Набатовы ограничились всего дюжиной коробок и то, добрая часть из них содержала игрушки Ксюши. Катерина находилась в полной уверенности, что большой город их скоро пережует и выплюнет, и семья вернется обратно, в Волхов.

За окном начали стучаться сумерки. Олег взглянул на часы, расположенные на приборной панели: 20:33. Ксюша продолжала спать на заднем сиденье, положив руки под щеку. Катерина вроде тоже задремала, и Олег решил не будить их: жена и так вся изнервничалась в связи с переездом, так что пусть поспит. А для пятилетней девочки длительная поездка на машине – всегда утомительное мероприятие. Пусть отдыхают. Минут через двадцать они въедут в город, и тогда Олег их разбудит.

Неожиданно перед машиной кто-то появился. Олег в этот момент смотрел на дорогу и мог поклясться, что человеческий силуэт не выбежал на шоссе, а именно – *появился*. Если угодно, то материализовался прямо из воздуха. Мужчина в капюшоне. У художника имелась всего доля секунды, чтобы среагировать. Он нажал на педаль тормоза и крутанул руль вправо. «Ладу» с визгом повело юзом. Олег пытался справиться с взбесившимся рулевым колесом,

и только мысль о том, что от него сейчас зависят жизни жены и маленькой дочери помогала человеку. Автомобиль остановился на обочине.

Слева пронёсся многотонный грузовик, визжа клаксоном.

Ксюша проснулась и расплакалась. Катерина, отстегнув ремень безопасности, повернулась к дочери, начала ее утешать.

– Олег, что случилось? – спросила Катерина, когда Ксюша немного успокоилась. – Мы чуть не перевернулись.

– Кто-то выскочил на дорогу, – Олег сидел, вцепившись в руль, костяшки пальцев побелели. – Я чуть не сбил человека.

Катерина быстро оглянулась по сторонам, но никого не увидела.

– С тобой все в порядке? – она положила ладонь на правую руку мужа.

Олег вновь ощутил холод, исходящий от Катерины, словно от ледяной скульптуры. Утвердительно кивнул.

– Тогда давай поедем. Ксюша перепугалась и устала, – жена выдавила улыбку. Да и я уже хочу отдохнуть. А мне еще ужин готовить...

Олег обернулся, посмотрел на дочь и подмигнул ей. Девочка улыбнулась в ответ. Но, только губами. Глаза смотрели на папу пустым и бессмысленным взором.

«Лада» вновь выехала на шоссе и аккуратно двинулась к Санкт-Петербургу, а из головы не выходил появившийся на шоссе образ таинственного незнакомца.

Примерно через пятнадцать минут Набатовы переехали большой мост и двинулись по Народной улице Санкт-Петербурга. А еще минут через десять Олег уверенно завел машину в один из дворов спального района. Он остановил автомобиль напротив подъезда и заглушил двигатель.

– Ну, вот мы и приехали, – улыбнулся Олег и вылез из машины.

– А где наш дом? – спросила Ксюша, она уже стояла рядом с папой и терла сонные глазки.

– Так вот же он, – Олег указал на невзрачную пятиэтажку, облицованную мелкой плиткой.

– Фу-у, он грязный, – Ксюша поморщилась. – И серый какой-то.

– Зато у тебя теперь есть своя комната.

– Правда? – от радости у девочки округлились глаза. – Пойдемте скорее! Мама, папа, ну пошлите-же.

Девочка вприпрыжку побежала к двери подъезда.

– Стой! Не беги одна. Ксения, подожди меня, – Катерина захлопнула дверь и быстрым шагом пошла за дочерью.

Счастливый Олег забрал папку с документами из бардачка, включил сигнализацию и двинулся к своим любимым женщинам, которые ждали у подъезда. Он улыбался. Знал, что сегодня началась их новая жизнь в новом городе, и он не позволит стать своей семье серой массой.

2

Квартира оказалась небольшой, но уютной. Справа от входа расположились две двери. Ванна и туалет. Слева находилась большая комната, напротив входной двери – маленькая, а за ванной разместилась кухня. Катерина первым делом приняла душ, смыв с себя всю тяжесть поездки, а потом пошла на кухню. Наспех осмотрев пространство и ознакомившись с кухонной утварью, Катерина принялась готовить ужин. Набатовы решили, что сходят в магазин завтра, когда будут знакомиться с новым районом, а сегодня доедят то, что привезли из прошлого дома. В наличии: пачка макарон, две банки тушенки и полбатона. Олег хотел помочь супруге с готовкой, но та прогнала его, сказав, что кухня – это обитель женщин и, вообще, ей в радость готовить в отдельной кухне. Катерина улыбнулась, поцеловала мужа в щеку и несколько раз, шутя, ударила его по заднице «лопаткой», прогоняя с кухни. «Кухонный изгнанник» заглянул в комнату к дочери, но та оказалась так увлечена разбором коробок с игрушками, что даже не взглянула на папу. И тогда Олег понял, что ему выпала возможность посвятить немного времени себе, а такое нечасто случается в семейной жизни.

Он принял душ (радуясь тому, что под дверью не стоят соседи и никто не торопит), а затем уединился в комнате, достал альбом для набросков и взял карандаш. Обычно у Олега не возникало вопроса, что рисовать, он просто творил. Но сейчас художник сидел и молча смотрел на белый лист. В голове абсолютно пусто и такое происходит впервые. Вдруг ослепительная белизна, излучаемая листом бумаги, начала заливать комнату белым светом, и Олег почувствовал острую боль в глазах. Постепенно резь начала переползать от глаз к затылку и через секунду плотно засела где-то около мозжечка. Олег ощутил, что он падает, а белый свет постепенно уменьшается, и пространство заливают темнота.

Когда художник открыл глаза, ком паники подкатил к горлу. Под Олегом простирался вечерний город, освещаемый фонарями, а большая река делила его пополам. Когда страх и паника немного отступили, Олег смог рассмотреть город и понял, что висит над Волховом.

«Это просто сон, – художник пытался успокоить сам себя. – Я уснул в кресле, когда рисовал, и все это мне снится».

Но он прекрасно понимал, что сон слишком реален. Тело резко устремилось вниз против воли хозяина, и Олег с перепугу замахал руками, инстинктивно пытаясь за что-нибудь ухватиться. Он быстро приближался к земле, но на высоте примерно десятого этажа остановился и полетел над улицей Юрия Гагарина, завис у пятиэтажного дома. Олег сразу узнал свой бывший дом, в котором жил с восемнадцати лет. Увидел свой подъезд, зеленую скамейку, заросли кизильника по бокам асфальтовой дорожки, ведущей к подъезду.

Стоп!

В темноте за кустами кто-то прячется. Подробно не разглядеть, но он видит силуэт человека. Голова покрыта темным капюшоном, человек притаился за кизильником так, словно кого-то поджидает. Не хочет, чтобы его увидели раньше времени. Зависший на высоте десять метров художник попытался закричать, хотел шугануть этого подозрительного человека в капюшоне, но вместо крика вырвалось лишь сдавленное мычание. Олег не знал почему, но человек в капюшоне не нравился ему, казалось, тот затеял что-то нехорошее, отвратительное.

– Олег. Проснись.

Мужчина почувствовал, как кто-то аккуратно трясет его за плечо. Художник открыл глаза, и первое, что увидел – альбом на своих коленях, а с листа смотрит черный силуэт в капюшоне.

– Олег, пойдем ужинать, – Катерина озадаченно посмотрела на мужа, но через мгновение улыбнулась и, склонившись, поцеловала его. – Мой художник хочет есть? Пойдем, я сварила

макаронами с тушенкой. Кто это? – она указала на рисунок. – Кошмар какой! Убери подальше, чтобы Ксюша не нашла, а то ей ужасы сниться будут.

Олег согласно кивнул, закрыл альбом и убрал в секретер.

В течении ужина художник сидел молча, никак не мог забыть силуэт в капюшоне. И его чем-то пугал этот человек, заставлял думать о нем, напрягаться. Если бы странный незнакомец появлялся только во сне, то Олег бы и не задумывался, но недавняя встреча на шоссе ввела в ступор. Он точно знал, что силуэт на дороге и во сне – это один человек. Глаз художника сложно обмануть: сразу подметил, что у силуэтов одинаковый рост, комплекция. Да, Олег не видел лица под черным капюшоном, но необязательно обладать особым видением или восприятием мира, чтобы понять: под убором скрывается один и тот же лик.

Катерина заметила странную озадаченность супруга и несколько раз спросила, все ли с ним хорошо, на что получила утвердительный кивок. В это время Ксюша с детским азартом в глазах намотала на вилку макароны и начала трясти над головой как побрякушкой.

– Ксения, – сказала Катерина строгим голосом, – не балуйся с едой.

Она забрала у дочери вилку с макаронами.

– Я пойду, прилягу, – произнес Олег, поднимаясь из-за стола.

Супруга взглянула на него с явным беспокойством.

Набатов вышел из кухни, и когда попал в темный коридор, неосторожно запнулся за коробку. Внутри что-то загремело, скорее всего, хрустальная ваза, подаренная Набатовым на свадьбу какой-то дальней и престарелой родственницей жены. Олег остановился, запустил руку в коробку и нащупал ту самую вазу. Вроде не разбилась. Для супруги эта ваза почему-то слишком много значила, и разбить ее, означало бы – лишиться себя интимной близости на несколько недель...

Олег прошел в комнату, включил свет и улегся на раскладной диван. Его весь вечер не покидало предчувствие чего-то дурного, ощущение, что беда где-то рядом.словно человек в капюшоне и есть эта «беда», которая уже стоит на пороге и тянет костлявую руку к вырванному с корнем дверному звонку.

В комнате появилась Катерина. После душа она сменила черное длинное платье на синий шелковый халат, который едва прикрывал колени. Олегу нравилось, когда жена надевала его. Халат подчеркивал стройную фигуру и длинные ноги. Катерина присела на диван, и подол халата соскользнул с нежной кожи бедра, открывая Олегу прекрасный вид.

– Ты сегодня весь вечер сам не свой, – заглядывая в глаза мужу, заговорила Катерина. – Расскажешь о том, что тебя беспокоит?

– Да нет, все нормально, – Олег улыбнулся и погладил жену по бедру, ощутил нежность кожи и моментально возбуждился. – Просто, какая-то апатия накатила. Вот и все. Утром уже все пройдет.

– Я же говорила, что большие города вводят людей в депрессию, и ходят они все грустные, даже не улыбаются. Я не хочу, чтобы мы стали такими же.

– А мы и не станем, – Олег слегка сжал бедро жены. – Ведь я знаю отличное лекарство от депрессии.

– Правда? – Катерина посмотрела на супруга. – И какое же?

Олег приподнялся и поцеловал жену в губы, затем его рука скользнула вверх по бедру и нащупала точку «сосредоточения силы». Но когда пальцы пробрались под резинку трусиков, Катерина остановила его ладонь.

– Стой, Олег. Остановись, – она мягко отстранила мужа и встала с дивана. – Ксюша еще не спит. Вот ребенок уснет, тогда и будем депрессию лечить, – Катя поправила халат и пошла за дочкой. – Ксюша, пойдем чистить зубки и спать.

Через мгновение он услышал, как в коридоре Ксюша сказала маме: «Я хочу обнять папу», а затем раздался топот детских ножек.

«Хорошо, что мы на первом этаже, – подумал Олег. – Хоть соседи снизу на шум жаловаться не будут».

Дочка запрыгнула на папу, обняла за шею и крепко прижалась. Олег заметил, что пижама с героями мультфильма «Ну, погоди!» стала заметно мала Ксюше, и надо не забыть завтра купить ребенку новую ночную одежду. Главное – не забыть.

– Спокойной ночи папа, – Ксюша поцеловала Олега в щеку.

– И тебе сказочных снов, принцесса.

Катерина взяла Ксюшу за руку, но через два шага девочка остановилась и быстро спросила у папы:

– А мы завтра идем на аттракционы? Ты обещал.

– Я действительно такое обещал? – спросил Олег, и дочка утвердительно закивала. – Ну, раз обещал, то пойдем конечно. А сейчас иди чисти зубы и спать. Уже очень поздно.

И Катерина с Ксюшей ушли.

Олег сладко потянулся и закинул руки за голову. На лице сияла улыбка, он, наверное, еще никогда в жизни не чувствовал себя счастливее чем сейчас. Даже таинственный силуэт в капюшоне и холод, который исходил от Катерины, когда они ехали в машине, не могли омрачить отличное настроение. Все это осталось где-то позади, а впереди Олег видел лишь благополучную семью и секс с женой, который должен состояться, максимум, минут через тридцать. Сморенный светлыми мыслями художник уснул, но к превеликому сожалению, ему уже не суждено было видеть благополучную семью и насладиться красавицей женой.

3

В комнате что-то изменилось. Олег сразу это заметил, как проснулся. На мгновение показалось, что он, вообще, в другой квартире. Но, осмотревшись, художник понял, что находится в той же комнате, но в ней произошли существенные изменения. С окна пропал полупрозрачный тюль, и теперь пол заливал желтый свет уличного фонаря. Олег посмотрел на стены и осознал, что симпатичные черно-белые обои исчезли, их заменили пожелтевшие газетные листы, местами оторванные, оголяющие серый бетон. Прямо над окном – в месте, где потолок состыковывался со стеной, – расплзлось пятно черно-зеленой плесени. Олег медленно сел на диван, пружины отозвались натужным треском.

– Катя! – он громко позвал жену. – Катя, Ксюша!

Нет ответа.

Олег встал и вышел в коридор, старые половицы противно затрещали. Не распакованные коробки, которые Набатовы планировали разобрать в ближайшие три дня, – пропали. Будто их сюда и не привозили несколько дней назад. Олег открыл дверь комнаты дочери, но внутри оказалось пусто. Маленький письменный стол и тахта испарились.

– Ксюша! Катя! – Олег крикнул еще громче, чем прежде, но ответом по-прежнему служила мертвая тишина.

Паника и ужас начали медленно накрывать мужчину. Он стоял в маленькой пустой комнате, где источником света являлись лишь луна и тусклый свет уличного фонаря. Жуткая мысль атаковала разум: семью похитил какой-нибудь маньяк, а теперь насилует и пытается.

«Нет-нет-нет, – Олегу стало отвратительно больно от такой мысли. – Может они просто решили погулять? Да, ведь, это – нормально, что мама с дочкой решили вечером прогуляться. Я заснул, пока их ждал, и они не стали меня будить. Вот и все».

Он вынул из кармана брюк кнопочный телефон и взглянул на дисплей. Рациональная часть мозга сразу подсказала, что полтретьего ночи – слишком позднее время для прогулок с пятилетним ребенком. Художник открыл список контактов, нашел запись «Любимая» и позвонил, но в ответ мертвый голос робота оповестил, что данный номер не обслуживается. Мужчина позвонил еще раз, затем еще, а леденящий душу голос продолжал повторять одну и ту же заученную фразу. От злости Олег хотел швырнуть аппарат в стену, но вовремя остановил себя, сообразил, что телефон может еще понадобится. Он вышел из комнаты и замер. В прихожей, вместо нового обувного шкафа с вешалками, висело старое большое зеркало, по которому тянулась длинная ветвистая трещина. Художник увидел свое отражение и отшатнулся. Лицо казалось мятым, покрытым густой щетиной, а черные сальные волосы торчали в разные стороны. Под глазами набухли темно-бурые мешки, а сами глаза покраснели и окутались полопанными капиллярами. Когда-то белая рубашка теперь стала серой, и в некоторых местах виднелись пятна непонятного происхождения. А черные классические брюки выглядели заношенными до такой степени, что «стрелки» совсем не проглядывались.

Олег наспех пригладил растрепанные волосы и двинулся в кухню. Проходя мимо ванны и туалета, периферическое зрение уловило что-то такое, чего невозможно объяснить.

Ванна исчезла!

Теперь на месте двери находилась стена. Если пропаже коробок и некоторой мебели из квартиры можно найти логическое объяснение, то исчезновение целой ванной комнаты объяснить невозможно. Олег дотронулся до новой стены и убедился, что она настоящая. Несколько раз с силой ударил, из-за стены послышался глухой звук, словно там находилось пустое пространство.

«Это сейчас не главное, – сам себе сказал Олег. – Сначала нужно найти Катю и Ксюшу, а потом разбираться с пропавшей ванной. Пойду к председателю дома и выясню, что за странные вещи творятся с ванной. А сейчас нужно идти в полицию».

Перед тем как взять документы, и направиться в ближайший отдел полиции, Олег решил проверить кухню. Он прекрасно понимал, что не увидит там ни жены, ни дочки, но, как известно, надежда – очень сильное чувство, и, надеясь на лучшее, Олег вошел в кухню. Никого. А открытое окно только усилило осознание того, что любимую семью похитили. Он подбежал к распахнутым рамам и выглянул наружу. Тишина спального района оглушала. Откуда-то издали доносился шум редко проезжающих по проспекту машин, затем взвыла и тут же замолкла сирена «скорой помощи», и на двор вновь опустилась гробовая тишина.

Мужчина уже собрался закрыть окно, но на детской площадке, расположенной метрах в десяти от дома, увидел человека в капюшоне. Тот стоял неподвижно рядом с качелями, и в свете уличных фонарей Олег смог подробнее рассмотреть таинственного незнакомца. Белые, стоптаные кроссовки, голубые джинсы, потемневшие от грязи и черная толстовка с капюшоном. А вот лицо под капюшоном так и не удалось разглядеть.

– Э-эй ты! – выкрикнул Олег.

Человек в капюшоне сделал несколько медленных шагов назад, противно смеясь. И этот смех казался издевательским.

– Стой! – вновь крикнул Олег и полез в окно. – Я сказал: стоять!

Со второго этажа послышался скрип открывающейся рамы, и сиплый женский голос грубо выкрикнул: «Заткнись, придурок!», но Олег не обратил внимания на крик. Он спрыгнул в траву и побежал на детскую площадку.

Таинственный человек исчез. Художник закрутил головой в поиске силуэта и заметил его в конце дома, неподвижно стоящего около поребрика. Олег вновь сорвался с места в надежде поймать человека, но стоило мужчине всего раз моргнуть, как незнакомец опять исчез.

«Да это бред какой-то»: – подумал художник и остановился.

Примерно десять минут он стоял под фонарем и осматривал спящий двор, но так и не нашел человека в капюшоне. Сейчас Олег чувствовал себя котом, который пытается поймать хвост, но осознает – шансов на это практически нет. Тут его посетила мысль, что жена и дочь действительно ходили гулять и уже вернулись, а главу семейства не нашли в квартире и теперь звонят в полицию. Художник побежал вдоль дома, темные окна первого этажа грозно нависали над головой, и он уже решил, что если не обнаружит жену и дочь дома, то незамедлительно обратиться в полицию.

Олег влез в распахнутое окно своей квартиры и снова осмотрел все помещения. Никого. Катерина и Ксюша не вернулись.

Нужно срочно идти в отдел и начинать поиски по «горячим следам». Но теперь перед Олегом возникла проблема другого рода: он не знал, где в этом районе находится отдел полиции. Хотя, поразмыслив полминуты, решил, что эту трудность легко преодолеть. Вынув из кармана телефон, набрал «112», механический голос подсказал, что для вызова полиции следует нажать цифру «2», что Олег успешно и сделал.

– Полиция. Дежурный диспетчер Шифонеров слушает.

– Але, помогите! – закричал Олег. – У меня пропали жена и дочь.

– Диктуйте адрес.

Олег по памяти назвал новый петербургский адрес.

– Соединяю с вашим отделом, – пробубнил Шифонеров, и затем послышались протяжные гудки.

Олег нервно ходил по комнате, в которой так и не включил свет. Он не мог найти себе места, а паника вкупе с перевозбуждением делали свое дело – заставляли семенить из угла

в угол, а тело трястись. Один раз мужчина присел на раскладной диван, но тут же вскочил и вновь принялся нервно расхаживать по темной комнате.

– Двадцать седьмой отдел полиции, – наконец-то послышался сонный мужской голос. – Дежурный слушает.

– У меня пропали жена и дочь, – Олег вновь повторил эту фразу, и сердце сжалось, словно в холодном кулаке дьявола. – Помогите.

– Расскажите подробнее, что случилось, – судя по голосу, дежурный продолжал подремывать.

– Я... я проснулся, а их нет.

– Ну, – дежурный помолчал пару секунд, видимо оценивая ситуацию. – Может они уехали куда-то, к родственникам, например. Вы звонили жене?

– Конечно звонил, телефон выключен, – Олега начинали раздражать вялость и непонятная лень полицейского. – Никуда они не могли уехать, мы в городе всего один день.

Дежурный замолчал, и Олегу показалось, что секунды тянутся целую вечность, наконец, полицейский сказал:

– Хорошо, приходите, пишите заявление.

– Адрес ваш скажите.

Дежурный назвал адрес, и Олег с облегчением отметил, что долго бегать по улице не придется. Судя по названному полицейским адресу, отдел находится на одном проспекте с домом, недалеко. Художник убрал телефон и все-таки включил свет. Открыв секретер, схватился за папку, сшитую из толстого картона, в ней семья Набатовых хранила все свои документы: паспорта, свидетельство о рождении Ксюши, ИНН, военный билет Олега... но сейчас, держа папку в руках, она казалась заметно легче и тоньше, чем раньше. Художник медленно раскрыл ее. После того, как изменилась комната; исчезли Катерина и Ксюша; таинственным образом дверь ванны превратилась в стену, Олег ожидал увидеть все, что угодно. Но его больше поразило то, чего он не увидел! Заглянув в папку, Набатов обнаружил только свой паспорт и договор на квартиру, подписанный лично им, а квартиродателем числился некий Петренко М. Н., с которым Олег ни разу не общался и даже в глаза не видел. Он не мог вспомнить, когда подписывался этот договор, но подпись стояла его, и в этом сомнений быть не может.

«Хрен-то с этим договором, – мысленно огрызнулся художник. – Где остальные документы? Паспорт, свидетельство о браке?»

Он взял свой паспорт и швырнул папку на диван, заглянул в секретер, но кроме альбома для зарисовок ничего не обнаружил.

«С отсутствием документов я разберусь после того, как напишу заявление в полицию».

Олег положил паспорт в карман и вышел в прихожую. Ключи, висевшие на ржавом гвозде, он заметил не сразу, и уже ничему не удивляясь, схватил их и выскочил из квартиры.

4

Высокие тополя, тянувшиеся по обе стороны проспекта, грозно шевелили кронами над бегущим мужчиной. В свете фонарей они становились похожи на огромные волосатые ладони, которые склоняются в попытке схватить человека. Водители изредка проезжающих автомобилей притормаживали, чтобы посмотреть на странного человека в грязной рубашке. Казалось, что он от кого-то убегает, причем, без оглядки. Но, мгновение понаблюдав, водители теряли интерес к незнакомцу и, вдавив педаль газа, устремлялись в ночной Петербург по своим делам.

Наконец Олег заметил кирпичное двухэтажное здание. На стене висел флаг Российской Федерации, он изредка подрагивал на ночном августовском ветру. Мужчина в два прыжка преодолел пять ступеней и схватился за ручку массивной черной двери с глазком. Дверь оказалась заперта. Справа Олег увидел кнопку звонка и принялся нажимать, пока магнитный замок не щелкнул и послышался характерный писк, оповещающий о том, что дверь открыта. Художник распахнул ее и вбежал в узкий, но вытянутый холл. Справа, вдоль стены, стояла длинная старая скамейка, на которой сидел гость из Средней Азии и смотрел грустными глазами. Перед скамейкой – школьная парта с облупленной лакировкой. Слева тянулось длинное толстое стекло с крупной красной надписью: «**Дежурная часть**», а за стеклом возвышался полицейский, судя по погонам – старшина. Он настороженно рассматривал ночного визитера.

Увидев полицейского, Олег подбежал к стеклу и начал громко и быстро говорить:

– Это я! Я вам звонил! Моя жена и дочь пропали!

Худощавый старшина расслабился и вышел из «дежурки». Притопнул кожаными ботинками.

– Мужчина, успокойтесь и не кричите. Расскажите подробнее, что произошло.

– Мы только вчера приехали из Волхова. Я, жена и пятилетняя дочь, – Олег воспользовался советом полицейского и попытался успокоиться. С трудом, но все же смог взять себя в руки и выровнять дыхание. – Где-то полтретьего ночи я проснулся, а их нет нигде!

– А документики у вас с собой? – старшина всматривался в глаза Олега, возможно, пытался понять, посетитель пьян или под кайфом? Затем раскрыл протянутый паспорт. – И что в Питер привело, гражданин Набатов?

– Работа, художник я, – быстро начал отвечать Олег, пока старшина внимательно изучал все страницы паспорта. – Устроился в издательство, они на первое время снимают мне квартиру. На этой же улице.

– Вы звонили супруге? – полицейский продолжал с подозрением смотреть Олегу в глаза.

– Да, – тот кивнул. – Телефон выключен.

Старшина некоторое время молчал, затем в задумчивости несколько раз похлопал паспортом по ладони и, наконец, сказал:

– Так, сейчас напишете заявление, – полицейский подошел к скамейке и прикрикнул на гостя из Азии: – Ахмед, пошел вон отсюда!

– Совсем могу уходить, начальник? – удивился маленький смуглый человек.

– Да, проваливай!

Азиат выскочил из помещения, а полицейский усадил Олега за парту, затем сходил в «дежурку» и взял два чистых листа. Немного успокоившийся в компании старшины Олег сосредоточился и написал заявление в двух экземплярах, подробно расписав все события.

– Есть фото жены и дочери? – поинтересовался представитель закона, подписывая листы.

Художник запустил руку в карман, но вспомнил, что бумажник оставил в машине, а в нем как раз лежит фотография. Олег отрицательно помотал головой и поднялся.

– У меня в машине есть, – он двинулся к выходу. – Я сбегаяю.

– Не надо, – остановил его старшина. – Сейчас просто опишите своих родных, в чем они были. Я разошлю ориентировку всем патрулям, они прошерстят подвалы, чердаки, притоны...

От ужаса, который несли с собой последние три слова, Олег оцепенел. Не мог представить, что с ним случится, если родную дочь найдут истерзанной в каком-нибудь подвале. У человека подкосились ноги, и он тяжело опустился на скамейку.

– Катя высокая, примерно метр семьдесят пять, длинные волосы. Светлые. Была в синем халате, – Олег говорил медленно, оказалось, сложно описывать жену, когда та, возможно, уже мертва. Старшина записывал. – Ксюше пять лет, похожа на маму. В пижаму была одета, с волком и зайцем из «Ну, погоди!».

– Кого-нибудь или что-нибудь странное заметили? – спросил полицейский.

Художник на мгновение задумался.

– Да, – он поднялся. – Я указал в заявлении, что видел ужасного человека. Наша квартира на первом этаже, когда я проснулся, окно на кухне было открыто, а на детской площадке стоял он. И ужасно смеялся.

– Кто «он»? – осведомился полицейский. – Можно подробнее?

– Я не знаю. Человек в джинсах и черной кофте, – Олег сел на скамейку, но затем вновь встал и начал расхаживать по маленькому холлу. – В капюшоне, лица я не разглядел. Я вылез в окно и хотел поймать негодяя, но тот убежал неизвестно куда.

– Хорошо, – служитель закона подробно записал все в блокнот. – Когда исчезают дети, самое главное – предпринять меры в первые три часа. И мы находим восемьдесят процентов пропавших очень быстро. Так что не переживайте, идите домой и отдохните.

– Какое... домой? – Олег уставился на старшину. – Я с вашим патрулем поеду, буду помогать.

– Нет, вы не поедете, – полицейский покачал головой. – Вы все сделали правильно: пришли к нам и написали заявление. Дальше этим займется полиция. Профессионалы. Идите домой, отдохните и постарайтесь поспать. Утром к вам придет участковый все подробно узнает, опросит соседей, а, может, к этому времени, мы уже найдем жену и девочку.

Олег пытался возражать, но все-таки разумная часть мозга подсказала, что следует пойти домой и не заниматься самодеятельностью. Конечно, он понимал, что не сможет опустить руки и слепо надеяться на доблестную полицию, но что ему делать? Ходить по многомиллионному городу и искать семью? Глупо. Сейчас, наверное, действительно стоит пойти домой и дожидаться участкового. Художник немного потоптался у выхода, размышляя о том, а не рассказать ли дежурному об исчезнувшей ванне, но решил, что это неуместно. Точнее, может и уместно, но в лучшем случае его отправят в психиатрическую лечебницу, а в худшем – перестанут искать Катерину и Ксюшу, сославшись на то, что заявитель тронулся умом. Олег поблагодарил полицейского и вышел из здания отдела полиции.

Когда он вернулся домой, часы на дисплее мобильного телефона показывали 04.33. Олег еще два раза попытался дозвониться до жены, но металлический замогильный голос вновь и вновь повторял одну и ту же фразу: «*Вызываемый вами номер не обслуживается*».

Затем художник прошел в кухню и закрыл настежь распахнутое окно, пристально осмотрел двор. Выйдя в коридор, Олег остановился у стены, где еще несколько часов назад находилась дверь. Теперь он не стал колотить в стену, а принялся аккуратно постукивать костяшками пальцев по всему периметру. Сомнений не осталось: за тонкой перегородкой пустое пространство. Но, глядя на эту стену, создавалось впечатление, что она находится тут с момента постройки дома, ни о каких свежих ремонтных работах речи не шло. У мужчины появилось желание сломать перегородку, которая, скорее всего, из обычного гипсокартона, но он сдержал себя, понимая, что завтра у участкового возникнут вопросы по поводу дыры в стене.

Очередная попытка позвонить жене не принесла плодов, и тогда Олег решил просто полежать. Его организм находился в сильном напряжении, художник думал, что не сможет уснуть. Но он ошибся. Сон быстро накрыл мужчину.

День второй

1

Отвратительно дребезжащая трель дверного звонка вырвала Олега из царствия Морфея. Мужчина с трудом раскрыл глаза и уселся на кровати. На мгновение ему показалось, что звонка и не было вовсе, но раскатистая рулада вновь повторилась и мгновенно отозвалась болью где-то в затылке. Затем послышался стук в дверь, не то чтобы агрессивный, но очень настойчивый и продолжительный. Олег поплелся к двери.

– Кто там? – спросил художник, взглядываясь в глазок, но из-за мрака в подъезде разглядел только крупный силуэт.

– Ваш участковый, – послышался громкий мужской голос.

Олег открыл дверь. На пороге стоял высокий и тучный мужчина в полицейской форме с погонами капитана. Густые рыжие волосы напоминали вязаную шапочку, а такие же рыжие усы задорно торчали в разные стороны. Большой пузатый участковый напоминал клоуна с кустистыми золотыми бровями и в остроносых туфлях. Не хватало только красного носа.

– Набатов Олег Анатольевич? – спросил рыжий участковый, и Олег кивнул в знак согласия. – Меня зовут Васюткин Евгений Эдуардович. Я пройду?

И, не дожидаясь ответа, он прошел в прихожую, отстраняя Олега в сторону своим большим животом. Художник проводил участкового в комнату и принес из кухни табурет. Когда толстый капитан уселся на табуретку, Олегу показалось, что ножки не выдержат, но, жалобно скрипнув, они смогли пережить нелегкое испытание. Капитан положил большую кожаную папку для документов на журнальный столик, раскрыл ее, что-то пробубнил себе под рыжие усы и устался на Олега.

– К сожалению, ночной рейд не дал результатов, – Евгений Эдуардович осмотрел квартиру, выглядела она довольно потрепанной. – Ваше заявление сегодня будет передано следователю. Он заведет дело, возможно, по сто пятой статье, – это убийство.

– Убийство? – ноги Олега сделались словно ватными, и он присел на диван. – Но как так? Вы же не нашли... ну, их тела...

– Не переживайте, следователи часто так поступают, когда дело касается пропажи ребенка, – участковый говорил с легкой одышкой. – Данная статья уголовного кодекса дает следствию максимальные возможности и полномочия.

«Не переживать? – в мыслях удивился Олег. – Да как же тут не переживать-то?»

– Но перед тем, как я передам все материалы следователю, – продолжал Евгений Эдуардович, – мне нужно побеседовать с вами, опросить соседей, сделать кое-какие выводы. Я могу увидеть ваши документы, вашей жены, дочери?

Олег сидел на диване, крепко сжав кулаки и стиснув зубы. Но он не замечал этого. Перед взором мелькали ужасные образы: изуродованные Катерина и Ксюша лежат в неестественных позах в темном подвале. Их тела затолкали под толстую, покрытую ветошью, трубу, мертвые глаза жены осуждающе глядят на Олега, а Ксюша словно вопрошает: «Папочка, почему ты не спас нас? Почему папочка?»

– Товарищ Набатов, – участковый слегка повысил голос, и Олег вздрогнул. – Могу я увидеть ваши документы? И на квартиру, по возможности, тоже.

Художник кивнул, взялся за папку, которая лежала на диване. Вынул странный договор, так и не вспомнив, когда же он его подписывал, протянул Евгению Эдуардовичу. Тот пристально принялся изучать документ. Участковый читал договор и периодически что-то записывал в свой рабочий блокнот.

Наконец, минут через пятнадцать вернул договор Олегу и попросил паспорт. Бегло пролистал бордовую книжицу и задал самый неприятный вопрос:

– А документы вашей жены и ребенка?

– Они пропали.

– Хорошо, – участковый пристально посмотрел Олегу в глаза. – В заявлении вы указали, что видели человека, возможно, нашего подозреваемого. Расскажите подробнее.

Евгений Эдуардович достал из нагрудного кармана кителя платок, вытер потный лоб и убрал обратно. Посмотрел на Олега и приготовился записывать.

– Я проснулся, а жены рядом нет, – начал растерянный художник. – Заглянул в детскую, но там тоже никого не было. Я испугался, понимаете? Стал звать их, кричать. Потом звонить, но телефон выключен.

Олег поднял взгляд на участкового, но тот не выражал никаких эмоций, просто смотрел на потерявшего семью мужчину и записывал то, что считал важным. А еще он громко дышал. Настолько громко, что Олега начинало это раздражать.

– Потом я пошел на кухню и увидел, что окно распахнуто, – продолжил Олег. – А когда я выглянул на улицу, то увидел человека. Я не смог разглядеть лица, он был в капюшоне. Я начал кричать, полез в окно, но похититель смог убежать от меня. И еще этот тип очень противно смеялся. Издевательски.

Евгений Эдуардович сделал очередную запись в блокнот.

– Хорошо, – участковый потер жирное лицо. – Я опрошу соседей, возможно, кто-нибудь подтвердит ваши слова.

Олег подскочил с дивана.

– Точно! Точно! Когда я вылезал в окно, то сверху слышал женский голос. Соседка возмущалась, что я кричу по ночам.

– Понял, проверим, – Евгений Эдуардович мгновение подумал и спросил: – Скажите, а какие у вас были отношения с женой и дочкой в последнее время?

– В смысле? – удивился Олег.

– Ну, может, вы поссорились, и супруга уехала с ребёнком к родителям или к подруге, – участковый всматривался в глаза художника. – Выключила телефон и таким способом решила вас проучить. Заставить нервничать...

– Да нет же! – вскрикнул Олег и принялся мелкими шажками расхаживать по комнате. Он начинал злиться. Злиться на этого рыжего толстого участкового, потому что, как казалось Олегу, тот бездействует, хотя мог уже пойти искать его родных, вместо дурацкого допроса. – Все у нас хорошо, никаких ссор.

– Я вас понял, Олег Анатольевич, успокойтесь, – сказал участковый с отчетливой долей иронии. – Я верю вам. А позвольте еще раз взглянуть ваш паспорт?

Художник протянул документ.

– Вы, я так понимаю, по работе приехали в Петербург? – участковый взглянул на Олега из-под кустистых бровей, тот кивнул. – И надолго?

– Ну не знаю, минимум на год. Наверно.

– А вы в курсе, что по истечению девяноста дней вы должны обратиться за регистрацией по месту временного пребывания?

Олег не совсем понял, что имеет в виду участковый, но решил, что уместнее всего будет согласиться с ним. Так и поступил.

– Хорошо, – растянуто произнес Евгений Эдуардович и закрыл паспорт, но вернуть почему-то не решался, словно его что-то смущало. Он вновь вытер вспотевшие лоб и виски, а затем внимательно осмотрел комнату и коридор. – Скажите, вот вы сюда вчера вечером переехали, минимум на год, а ваши вещи где? Ну, там, сумки, коробки.

Художник вздрогнул. Он совсем не ожидал этого каверзного вопроса, а хотя следовало. Первая мысль, которая пришла в голову, – это сказать, как есть, что вещи тоже пропали, вместе с документами. Но Олег моментально отмел эту идею. Маловероятно, что он не услышал бы, как из квартиры выносят коробки, да и, вообще, слишком много вопросов бы посыпалось от рыжего участкового.

– Вещи должны привезти завтра, – Олег разнервничался, обманывая капитана. – Грузчики.

– Понял вас, – Евгений Эдуардович все же вернул паспорт и с нескрываемым усилием поднялся с табуретки. – Мне нужны фотографии жены и дочери. Подойдет и совместная, где хорошо видны лица.

– Да, фотография есть в машине. – Олег вспомнил, что не забирал бумажник из «Лады».

– Хорошо, – кивнул полицейский, и рыжая копна вздрогнула.

Блюститель закона тяжелыми шагами направился к двери.

«С таким весом и до инфаркта недалеко»: – подумал Олег, но тут же разогнал эти мысли, не стоит посвящать им время.

Олег и участковый вышли из квартиры.

Конец августа выдался солнечным и сухим, поэтому, оказавшись на улице в одной рубашке, Олег совсем не ощущал холода. Пройдя по асфальтированной дорожке, он подошел к машине и достал ключи, а Евгений Эдуардович остановился позади художника и тяжело дышал прямо над ухом, держа черную папку подмышкой. Художник открыл водительскую дверь и сел в кресло, участковый пристально наблюдал за ним, и мужчине это очень не нравилось, словно именно он, Олег, и есть главный подозреваемый.

«А, может, это именно так?»

Олег потянулся к бардачку и открыл крышку. Из бардачка вывалился бумажник водителя, а следом на коврик оказалась пачка пятитысячных купюр, перемотанная банковской лентой. Сердце подскочило и кровь бешено заколотилась где-то в горле. Олег впервые видел эти деньги и теперь мысли спутались так сильно, что он совсем ничего не понимал. Откуда взялись эти деньги? Как могла исчезнуть целая ванная комната? Где все их вещи и что это за человек в капюшоне? Но самое главное: где Катерина и Ксюша? И не на один вопрос нет ответа. Олег решил, что рыжему участковому не нужно знать о деньгах и, вообще, кажется, что полиция ничем не сможет помочь, ему самому придется приложить все возможные усилия, чтобы найти своих женщин. В надежде, что Евгений Эдуардович не заметил пачку денег, Олег быстро толкнул ее под пассажирское сидение и поднял бумажник. Раскрыл его и вынул фотографию.

Катерина и Ксюша сидели на пляже, а за их спинами колыхалась река Волхов. На супруге было желтое платье без рукавов, едва прикрывавшее колени, а на голове громоздилась соломенная шляпка с большими полями. Ксюша в желтом сарафане и с двумя такими же желтыми бантами на голове строила смешные рожицы в объектив. Снимок был сделан около года назад, и Олег помнил тот день, как вчера. В солнечное воскресенье Набатовы вышли прогуляться и, купив мороженое, двинулись на городской пляж. Теплый, но порывистый ветер то и дело срывал шляпку с головы Катерины, и радостная Ксюша каждый раз пыталась вырвать ее из цепких лап ветра. Олег уверен, что это был один из самых счастливых дней в его жизни.

Грузное дыхание участкового вернуло Олега из воспоминаний, и он скрепя сердцем протянул фотографию Евгению Эдуардовичу. Очень не хотелось мужчине расставаться с этим снимком, словно он – последнее, что осталось от жены и дочери.

– Я возьму ее на время следствия, – участковый убрал фотографию в папку.

– Вы вернете?

– Обязательно вернем, – кивнул полицейский и почесал рыжие усы. – Ладно, пойду я. Мне еще к вашим соседям зайти надо, вдруг они чего слышали или видели. А вы телефончик не выключайте, с вами следователь свяжется.

– Когда?

– Скоро.

И Евгений Эдуардович, громко дыша, направился обратно к подъезду. Олег выждал несколько минут и, после того как громоздкая туша участкового скрылась в двери, снова залез в машину. Запустил руку под пассажирское сиденье и нащупал пачку. Огляделся сквозь стекла. Вроде никого. Поднял деньги и быстро начал засовывать в карман. Олег не хотел, чтобы кто-нибудь увидел его с этим неожиданным богатством, потому что он не знает, чьи это деньги. Откуда они у него? Ну не мог же он просто найти полмиллиона рублей. Украл? Но у кого?

«Сейчас нет времени думать об этом, – сказал сам себе Олег, поглубже запихивая деньги в брюки. – Сейчас надо действовать, согласно задуманному плану».

Но на самом деле плана у художника не было, но он собирался поговорить с председателем дома и, возможно, узнать судьбу ванной комнаты. Олег бросил бумажник в бардачок, вылез из машины, закрыл дверь и пошел к подъезду. Сейчас он чувствовал себя как человек, совершивший преступление, но ведь он не делал ничего противозаконного.

Или делал?

«Нет, я ничего не делал! Если кто-то и совершил преступление, так это тот негодяй, кто похитил мою семью!»

Олег быстро зашел в подъезд, в два шага преодолел шесть ступеней и юркнул в свою квартиру.

2

Когда Набатов оказался в квартире, он прошел в кухню и мимоходом взглянул в окно. Удивительно, но он вновь увидел толстого участкового во дворе дома. Евгений Эдуардович стоял и что-то подозрительно высматривал. В итоге его взгляд замер на окне кухни квартиры Олега. Показалось, что полицейский смотрит прямо в глаза. Сверлит своим магнетическим взглядом. Художник вздрогнул и резко присел. Так он просидел минут пятнадцать, ожидая, когда же, наконец, участковый уйдет. Не хотел Олег снова общаться с ним. Глаза Евгения Эдуардовича излучали подозрение, и это пугало художника. Если во всем обвинят Олега, то сразу прекратят поиски, самого пострадавшего арестуют и будут допрашивать, требовать выдать тела жены и ребенка. Но дело в том, что Набатов ни в чем не виноват, а пока его таскают по допросам, улюбок, похитивший Катю и Ксюшу, будет спокойно разгуливать по городу.

На четвереньках, пригнув голову, Олег пополз к выходу, и только в коридоре поднялся и прошмыгнул в комнату Ксюши. Аккуратно прислонившись к стене, подошел к окну и глянул на асфальтированную дорожку у подъезда. Рыжего участкового нигде не было. Олег с облегчением выдохнул и прошел в другую комнату. Там он спрятал пачку денег в диван, а, точнее, – в небольшой отсек, предназначенный для постельного белья, накрыл старой перьевой подушкой. Мысли путались, а все происходящее казалось нереальным.

Художник приблизился ко входной двери и посмотрел в глазок. Полумрак не позволял полностью рассмотреть лестницу, но Олег был уверен, что там никого нет. Медленно повернул замок, лоя себя на том, что старается все делать как можно тише. Мужчина вышел из квартиры, вдохнул спертый воздух, затем обернулся к стенду, на котором размещалась информация для жильцов. Среди различных объявлений нашел то, что искал:

Председатель дома – Фролова Анна Сергеевна.

Квартира 5б

Часы приема: пон-пят, с 10:00 до 13:00

Посмотрев на дисплей мобильного телефона, Олег вышел на улицу и двинулся вдоль дома, по узкой дорожке между газоном и серой стеной.

Пятьдесят шестая квартира находилась в четвертой парадной на четвертом этаже. Олег проник в оказавшийся открытым подъезд, поднялся по лестнице.

Аккуратная деревянная дверь с двумя нужными цифрами.

Набатов нажал кнопку звонка, но не услышал никаких признаков жизни. Он позвонил еще раз, а потом на всякий случай постучал. Через полминуты тишину нарушили едва различимые шаркающие шаги, и точка света в глазке стала черной.

– Кто? – раздался из-за двери старческий голос.

– Здравствуйте, Анна Сергеевна. Меня зовут Олег Набатов, я живу в этом доме несколько дней.

Замок два раза шелкнул, и деревянная дверь приоткрылась, насколько это позволила цепочка. В щели появилась пожилая морщинистая женщина, седые волосы свободно падали на плечи. Анна Сергеевна с неким презрением посмотрела на посетителя. Ну, конечно, мятая грязная рубашка и такие же брюки не вызывали доверия.

– Это у тебя жена с ребенком пропали? – спросила Анна Сергеевна, и Олег кивнул. – Знаю уже, Евгений Эдуардович заглядывал. Проходи.

Председатель сняла цепочку и пустила Олега в квартиру. Проводила в кухню, усадила за стол и налила горячего чая. Чай оказался почти прозрачный.

Бегло осмотрев скудную кухню, художник решил, что живет Анна Сергеевна небогато. Он хлебнул подкрашенного кипятка и хотел было задать вопрос, но женщина опередила его:

– Есть какие-нибудь новости о них?

– Нет, – ответил Олег. – Участковый сказал, что дело передадут следователю.

– Ясно. Ну, надеюсь, что все образумится, – Анна Сергеевна громко отхлебнула чай. – А ко мне-то ты чего пришел? У тебя трубы текут или, может, гадит кто в парадной?

– Нет, все нормально, – Олег растерялся из-за того, что председатель вела себя немного дерзко и, судя по всему, совсем не желала проявлять сострадание. – Просто... ну, не знаю, как сказать.

– Не томи.

– У меня пропала ванна.

Анна Сергеевна поставила кружку на стол и пристально взгляделась в измученное, покрытое щетиной лицо Олега. Долго рассматривала его глаза, а затем спросила:

– Что значит: «пропала»?

– Вчера... – Олег хотел сказать, что ванна была, а затем исчезла, и вместо двери теперь стена, но решил, что это будет звучать глупо или даже, как бред идиота, поэтому сказал другое: – В-общем, в квартире нет ванны.

– Согласна, – Анна Сергеевна чуть наклонилась вперед и вновь заглянула в глаза Олега, казалось, что председатель подозревает его в алкоголизме. – Если ты не заметил, то у меня в квартире тоже нет ванны. Во всем доме нет ванн. Тебе разве Петренко ничего не сказал? – Повисла пауза. – Ты же в его квартире живешь?

– Да, в его, – Олег опустил испуганные глаза, ведь он в жизни не видел этого Петренко. – Но он об этом ничего не говорил, а я и внимания не обратил.

– Странно, очень странно...

«Да, это все очень странно, – подумал Олег. – Хорошо, что я не ляпнул, что ванна вчера была».

– ...а я всегда думала, – продолжила Анна Сергеевна. – Что при въезде в новый дом человек поинтересуется, где ему мыться, – она смотрела на мужчину и ждала хоть какого-нибудь пояснения, но Олег продолжал молча смотреть в пол. – Ладно, молодой человек, дом этот построили в тысяча девятьсот шестидесятом году, но заселить его не успели. А в шестьдесят первом открыли кирпичный завод, и этот дом стал общежитием для рабочих. Так как в общежитии личные ванны не положены – их заколотили и оборудовали в подвале общую душевую. А когда Горбачев, а затем и Ельцин страну разворовывали, завод-то и закрылся, многие семьи съехали. Некоторым удалось выкупить в собственность квартиры, а в пустующие стали заселять людей из коммуналок. Да только ванны людям никто так и не вернул. Вот мы и моемся до сих пор в подвале.

Мало сказать, что Олег удивился. Он находился в некоем «информационном шоке» и не мог поверить в то, что сейчас услышал от Анны Сергеевны. Набатов запутался и не мог понять: где реальность? Вчерашний вечер реален? Или реально только то, что происходит здесь и сейчас? Но вчерашняя реальность ему нравится больше, там существуют любимые жена и дочка, а здесь он абсолютно одинок, и никто не в силах помочь человеку. Ни полиция, ни Анна Сергеевна, ни бестолковый участковый. Никто. Только он сам может найти своих близких. И раз уж Олегу придется выбирать между бездействием и поисками, то он, конечно, выбирает поиски.

– Спасибо вам за интересный рассказ, – Олег поднялся со стула и удивился появившейся в нем уверенности. – Я пойду. Всего доброго.

Он протянул руку, и Анна Сергеевна ответила на рукопожатие. Олег знал, что у стариков слабые кости и не стал сильно сжимать руку, но с удивлением для себя отметил, что хватка у пожилой женщины сильная.

– И тебе того же, – ответила Анна Сергеевна и проводила гостя до двери.

3

Вернувшись в квартиру, Олег почувствовал, что находится в «тупике» и совсем не знает, как действовать дальше. В его «плане» был единственный пункт – посетить председателя и выяснить все про ванну, дальше – белый лист. Да, и та история дома, которую поведала Анна Сергеевна, никак не помогла в поиске, наоборот, запутала Олега окончательно.

Художник прошел в комнату и сел на диван. В отчаянии Олег обхватил голову руками. С горестью осознал, как сильно он одинок. Даже годы, прожитые в детдоме, не несли с собой столько одиночества, как потеря Катерины и Ксюши. Олег обнял себя, словно температура в комнате резко упала. Появившееся мерзкое чувство жалости к себе заставляло чуть ли не выть. Даже в детдоме, когда его били палками по пяткам каждое утро, он не чувствовал себя настолько беспомощным.

«Да что-ж такое происходит? – размышлял Олег. – Как будто они все что-то знают, но не говорят мне. Этот подозрительный рыжий участковый вел себя так, словно ничего страшного не произошло! А председательница тоже хороша. Ага, в общем душе они моются двадцать лет. Хрена лысого!»

В разум мужчины залезла навязчивая мысль, что против него устроили настоящий заговор: обманули с работой, заманили в другой город, похитили его семью. И, вдобавок подстроили странные события в виде исчезнувшей ванны, сомнительного договора, пропавших коробок с вещами. Подкинули в бардачок пятьсот тысяч. Но зачем? Плата за молчание? А самый главный вопрос: кто? Ладно, если бы Олег был миллионером, тогда понятно, похитили жену и дочь, требуют выкуп. Но он – никто! Простой художник, коих в Петербурге очень много, больше, наверное, только гитаристов. Но мысль о заговоре медленно начинала перерастать в параноидальную, и мужчина понимал, что только он сможет и должен докопаться до сути. Спасти Катерину и Ксюшу и выяснить, кто за всем этим стоит. Но с чего начинать?

Ванна?

«Точно!»

Олег Набатов вскочил с дивана и твердым шагом двинулся в коридор. Сейчас он ощущал себя боксером, который выходит на ринг, а перед ним стоит титулованный боец, победить которого практически нет шансов. Но гадкое чувство обиды из-за того, что у него отняли самое ценное и любимое, заставляло идти дальше. Олег приблизился к ванне и, не останавливаясь, врезал ступней по стене, которая еще вчера была дверью. Стена оказалась выполнена из старого гипсокартона, и нога с легкостью пробила материал, погрузившись в густую темноту. Художник вынул ногу из дыры и заглянул в нее пытаясь рассмотреть хоть что-то, но освещения не хватало. Тогда он начал со злостью дальше пробивать стену ногами, и гипсокартон не выдерживал натиска. Куски отлетали в ванну, падали на пол и поднимали в воздух многолетнюю пыль. Шести крепких ударов хватило, чтобы проломать дыру, в которую сможет пролезть человек. Олег вынул из кармана мобильный телефон, включил фонарик и шагнул в темную дыру.

Ванная комната оказалась узкой и тесной. В помещении, которое было плотно закупорено много лет, сложно дышать, взметнувшаяся пыль попала в нос и в глотку начало неприятно першить. Откашлявшись, Олег направил телефон на правую стену. Увидел облупленный змеевик. Перевел телефон дальше, обнаружил ржавую раковину, но кран отсутствовал. Вместо него из стены торчали трубы, словно два черных глаза, следящие за каждым его действием. Мужчина вздрогнул, когда встретился взглядом с зияющими трубами и резко обернулся – убедился, что дыра на месте. На мгновение ему показалось, будто она исчезла, вновь стала сплошной стеной. Олег выдохнул и позволил себе немного расслабиться. Посветив телефоном слева, он увидел старую чугунную ванну, испачканную грязью. И все. Больше ничего.

Стоп.

Что-то все-таки художник заметил. Уловил краем глаза какое-то изображение на стене над старой ванной. Навел свет, излучаемый телефоном, на белую кафельную стену, которая заметно потемнела от грязи и пыли, и увидел странный рисунок. Круг диаметром примерно семьдесят сантиметров, а по краям окружности нарисованы черточки, расходящиеся в разные стороны и заходящие как вовнутрь, так и наружу круга. Это напоминало ветку растения без листьев, скрученную в кольцо. Или колючую проволоку...

Олег внимательно разглядывал изображение, но никак не мог понять, откуда оно тут взялось? Если рассказ Анны Сергеевны – правда, и ванна действительно была замурована, то кто это нарисовал? Рабочие? Нет, маловероятно. Зачем взрослым людям заниматься подобной ерундой? Хотя, Олег не знал всех тонкостей работы строителей. Может, это какая-нибудь строительная примета или ритуал. Ведь у всех есть приметы. У актеров, футболистов. Даже у электриков. Да, у электриков тем более!

Хорошо. Ну, а если против него действительно организовали заговор и председатель с участковым причастны к нему, то вновь возникает вопрос: зачем это нарисовали? Зачем похитителям было замуровывать ванну, рисовать странный рисунок? Для того чтобы запутать его? Сбить со следа?

Неожиданно у мужчины закололо в животе, и он понял, что не сможет ответить ни на один вопрос, пока не поест. А последний раз он ел вчера вечером в кругу любимой семьи. Олег вылез из ванной комнаты, прошел в кухню, открыл холодильник и понял, что вчера они так и не купили продуктов. Художнику вдруг стало стыдно, ведь Катерину и Ксюшу похитили, а он стоит и размышляет о еде. Но все же чувство голода победило совесть и, вынув одну пяти-тысячную купюры из дивана, Олег вышел из квартиры.

4

На детской площадке, где еще сегодня ночью Олег видел человека в капюшоне, гуляли счастливые мамочки со своими чадами. И сейчас площадка значительно отличалась от той, которую мужчина лицезрел ночью. Радостные, не знающие никаких забот, дети качались на качелях, лазали по деревянным домикам и лепили в песочнице куличики. А их матери чинно сидели на лавочках, что-то оживленно обсуждали и изредка посматривали на своих детей, пресекали шалости. Иногда приходилось снимать какого-нибудь слишком активного мальчишку с крыши домика, потому что забраться туда он смог, а спуститься – не получается.

Когда Олег пересекал детскую площадку, все мамы напряженно на него уставились. Художник понял, что ему надо срочно привести себя в порядок: помыться, побрить лицо, да и одежду сменить на чистую не помешает. Шляться в таком виде по детским площадкам не стоит, а то еще за педофила примут или за похитителя детей. Олег опустил голову и ускорил шаг, прошел площадку и обернулся, увидел вновь мило беседующих мам, не обращающих на него внимание, словно он и не проходил полминуты назад мимо. Пошел дальше. Обогнул длинный девятиэтажный дом и попал на оживленный проспект. На фасаде дома он увидел вывеску магазина «Пятерочка» и уверенно двинулся туда, решив, помимо еды, купить еще и бритвенный станок.

Но неожиданно Набатов увидел под ногами ярко-желтую надпись, выведенную через трафарет прямо на асфальте:

«Компьютерный Клуб «Ирокез»

Интернет, Кофе. Вход со двора. Телефон: 999—88—15

Раньше, еще лет двадцать назад, человеку для того, чтобы получить интересующую информацию, надо было записаться в библиотеку, дожидаться, когда освободиться нужная книга. И то, не было стопроцентной вероятности, что он найдет в книге то, что действительно нужно. Теперь же все гораздо доступнее: достаточно войти в Интернет и правильно задать вопрос по теме.

Интернет – это именно то, что сейчас нужно Олегу. Он развернулся, случайно задел какого-то мужчину, который куда-то очень спешил и даже не обратил внимания на художника. Да, Олег и сам не заметил столкновения, ведь в одно мгновение он тоже стал мужчиной, который «куда-то очень спешит». Теперь его не интересуют такие обыденные вещи, как бритва и пицца, нужно искать жену и дочку! Интернет обязан в этом помочь. Олег свернул за угол девятиэтажного дома, но на самом деле не мог представить, что надо спрашивать у Интернета. «Колючую проволоку кольцом в замурованной ванне?» Да ну, бред!

«Что-нибудь придумаю»: – только успел подумать Олег, как увидел на фасаде дома вывеску компьютерного клуба. Название выведено белой краской на широкой доске, еще надпись дополняли два индейских топорика.

Компьютерный клуб находился в цокольном этаже, к нему вели пять кривых бетонных ступеней. Мужчина быстро спустился и толкнул железную дверь.

«Ирокез» представлял собой большой холл с потолком не выше двух метров. При входе стояла полукруглая стойка, за которой вальяжно сидел юноша, видимо администратор. Над губой торчали реденькие усики, лоб парня украшала россыпь прыщей.

– Погамать решили? – спросил администратор, не меняя разваленной позы.

– Чего? – первого слова Олег не понял.

– Я говорю: поиграть решили? – теперь администратор поднялся со стула, он оказался высоким и очень худым.

– Нет, просто мне нужен Интернет.

– Так... могу вам предложить восемнадцатую машину, – длинный указал рукой в зал. Олег посмотрел в этом направлении и увидел, что восемнадцатый компьютер расположен в углу, между маленьким окошком и мальчишкой в очках. – Или двадцать третью...

Двадцать третий компьютер находился в правом ряду, хотя все машины и были разделены фанерой, тут уже с двух сторон сидели подростки. Олег выбрал восемнадцатую машину.

– На час? Два? – поинтересовался сальный администратор.

– Ну... на два, наверно.

– Сто шестьдесят рублей.

Олег с опаской вынул пятидесятирублевую купюру и положил на стойку. Он боялся, что сейчас в клуб ворвется полиция или люди в черных пиджаках, или... в общем те, кто организовал заговор и похищение. Набатова изобьют на глазах тридцати подростков и увезут в неизвестном направлении. А там, возможно, он последний раз увидит Катерину и Ксюшу, а потом всех дружно убьют непонятно за что.

– Мельче денег нет?

Художник покачал головой, и недовольный администратор принялся отсчитывать сдачу. Вручил Олегу мятые купюры и сказал:

– Вы садитесь, сейчас все заработает.

По обе стены «Ирокеза» тянулись столы с компьютерами, разделенные перегородками, видимо для того, чтобы не заглядывать в монитор к соседу. В дальней стене виднелись два маленьких окна с деревянными рамами. Они находились под самым потолком, поэтому дневной свет практически не заглядывал в помещение. Освещался компьютерный клуб исключительно флуоресцентными лампами, усеявшими весь потолок.

Олег медленно двигался через зал и продолжал боязливо оглядываться, но несколько раз ловил лишь презрительный взгляд длинного администратора.

«Ладно, все. Успокойся, – напутствовал сам себя художник. – Ведь не украл же я эти деньги. Может, Катя копила их уже давно».

Да, полмиллиона в банковской ленте, ага!

«Черт! Я не знаю, откуда у меня эти деньги. Возможно, их подбросили похитители, и теперь они следят за мной».

Пока Олег спорил со своим разумом, он успел дойти до компьютера и усесться на стул перед монитором. На экране появилась загрузочная заставка. Вдруг слева донесся стук, а затем мат. Мужчина вздрогнул, повернул голову, увидел мальчишку в очках и с раскрасневшимися щеками. Он играл в какую-то «стрелялку» и, скорее всего, его «убили», поэтому подросток ударил несколько раз «мышку» об стол и выкрикнул матерное слово, вероятно, в адрес своего обидчика. Олегу показалось, что бранная ругань несвойственна мальчишке, ведь всем своим внешним видом он напоминает типичного «ботаника». Подросток откинулся на спинку стула, убрал руки за голову и стал ждать, когда сможет вернуться к игре, изредка заглядывая в мониторы к соседям.

Повернув голову обратно к своему экрану, Олег увидел, что рабочий стол уже загрузился и теперь он усеян множеством разнообразных ярлыков. Примерно полминуты потребовалось мужчине для того, чтобы отыскать значок браузера, но, когда перед ним выскочила поисковая строка, задумался. Какой задать вопрос? Олег решил спросить первое, что пришло ему в голову в раскуроченной ванной комнате... Художник написал: *«колючая проволока кольцом на стене в замурованной ванне»*. За долю секунды поисковик выдал более шестидесяти миллионов ссылок, но все они оказались бесполезны. *«Стык ванны с кафельной плиткой»*, *«установка ванны»*, *«полипропиленовые трубы в стене ванной»*, а также масса предложений по продажам ванн. Но все это не подходило Олегу, это совсем не относилось к тому, что он увидел за проломленной стеной на кафельной плитке. Затем он полистал изображения, предлагаемые

поисковиком, и тоже ничего полезного не обнаружил, только детские обои с радугой и плитка с солнцем. Мужчина стер вопрос и написал: *«традиции и суеверия строителей»*. И, – вновь миллионы ссылок, которые никоим образом не приблизили его к жене и дочке. Зато Олег узнал, что строители кладут под первый венец дома серебряный рубль и, согласно поверью, у жильцов всегда в карманах будут звенеть деньги. А суеверные предки могли положить под сруб горсть муки или зерна, которые оберегали от голода, или ладан, увеличивающий благосклонность небожителей. Но все это чушь, не имеющая отношения к похищению, эта информация не дает ответов. Кто украл Катерину и Ксюшу? Где они сейчас и живы ли? Олег тяжело выдохнул и откинулся на спинку стула.

Слева вновь раздался стук пластика об стол, а затем подросток выкрикнул слово, обозначающее женщину легкого поведения. Мальчишка повернулся в зал и выкрикнул: *«Он в кишке!»*, с другого конца зала послышался ответ: *«Заткнись!»*. Подросток что-то буркнул себе под нос и повернулся к своему монитору, но игра еще не восстановилась. Тогда он заглянул в экран Олега, потом посмотрел на него самого и усмехнулся.

Но художник не сразу заметил этого назойливого мальчишку, он пытался придумать, что делать дальше, но в голову не поступало никаких соображений. Неожиданно его осенило: он – художник и всего-навсего надо нарисовать то, что видел, и попытаться найти похожее изображение в Интернете. Олег открыл стандартный графический редактор, принялся рисовать. Символ получался даже лучше и красивей чем в ванной.

– Чего дядь, в религию подались?

Олег вздрогнул и повернул голову на голос. На него смотрел очкастый подросток и улыбался брекет-системой.

– Нет, – ответил мужчина. – А ты?

– Тоже нет, – мальчишка посмотрел на свой монитор. Убедился, что игра еще не началась. – Просто сейчас ввели урок «Основы православной культуры». Если честно, то очень скучно.

– А что не скучно? – спросил Олег. – Женщин голых в Интернете разглядывать?

– Это, конечно, тоже, – подросток заметно покраснел, но продолжил: – Мой отец говорит: «Если парень в шестнадцать лет не интересуется обнаженными женщинами, то он ими уже никогда не заинтересуется».

– Ну, ладно, все правильно, – художник указал на свой монитор. – А что ты знаешь об этом?

– На терновый венок похоже, – ответил мальчишка, но, заметив вопросительный взгляд Олега, пояснил: – Его на голову Иисусу одели, когда казнили.

Художник задумался и никак не мог найти связи между Иисусом и пропажей своей семьи. Несколько минут он пытался соединить терновый венок и пропажу, но ему это не удалось.

– Это все?

Но мальчишка уже погрузился в игру и лишь кивнул в знак подтверждения. А Олег, так и не найдя ничего общего в венке со своей семьей, принялся рисовать дальше. Когда мужчина закончил, он сохранил изображение на рабочий стол, а затем открыл при помощи браузера и начал искать похожие рисунки через поисковую систему. На экране появилась уйма ссылок, но все они вели на иностранные ресурсы. Олег начал крутить колесико «мышки», переходить со страницы на страницу.

Прошло минут пятнадцать, Набатов уже отчаялся найти хоть что-то, но неожиданно перед глазами мелькнули русские буквы: *«Терновый Венец. Векторы и фото»*. Художник нажал на ссылку и перед ним появились изображения мучающегося Иисуса с венком на голове. Увидел православные и католические кресты, а также несколько сотен фотографий тернового венца.

«Неужели парень был прав? – подумал Олег и повернул голову налево, но на месте очкастого подростка сидел уже другой, толстый мальчик, жадно пожирающий шоколадки, обильно глотающий газировку. – Ну, ладно. Выбора у меня нет, так что посмотрим, что это за венок».

После нового поискового запроса на мониторе вновь отразились миллионы ссылок, которые чаще всего вели на христианские и энциклопедические ресурсы. Олег узнал много нового, например, что венок одели специально для того, чтобы усугубить страдания Иисуса, а сам священный артефакт и по сей день храниться в соборе Парижской Богоматери. Иная информация: сплетенный венок в виде митры – древний символ силы, правления и почета. Пока художник читал все эти малополезные сведенья время аренды компьютера закончилось, пришлось заплатить еще за час.

«Нет тут никакой связи, – мужчина откинулся на спинку и тяжело выдохнул. – Иисус, моя дочь и жена, терновый венец. Что тут общего?»

Просидев минут пять, глядя в потолок, Олег все же смог уловить тонкую ниточку, связывающую все это. Да, она ничтожно тонка, но как говорится: почему бы и нет? Ведь если художник считает, что похищение было организовано несколькими людьми (скорее всего, замешаны, и участковый, и председатель), то возможно стоит поискать организованную преступную группу «Терновый Венец»? Олег так и написал, но немного подумав, исправил: «*организация Терновый Венец*». На первой странице поисковика он ничего не обнаружил, только ритуальные услуги и какие-то церковные лавки, но вот на следующих страницах художника ждало много интересного.

Несколько ссылок вели на сайт Санкт-Петербургского Государственного Университета Филологии и большинство статей, посвященных культу «Терновый Венец», написал некий доцент Рабинер Б. Е. «*Краткая история «Тернового Венца»*», «*Кровавый культ или миф?*», «*Древнерусский и современный «Терновый Венец»*». И еще несколько десятков статей, посвященных какой-то странной и таинственной организации, о которой Олег читал впервые. Он начал погружаться в чтение, но неожиданно осознал, что это может продлиться до утра, и ему вряд ли удастся прочесть все. Тогда мужчина решил выбрать три-четыре статьи, несущие больше других информации, и попросить администратора распечатать.

Когда Олег подошел к полукруглой стойке и озвучил свою просьбу длинному администратору, тот улыбнулся алчной улыбкой рыночного торговца и сказал:

– Двадцать рублей за лист.

– Распечатайте статьи, которые у меня на компьютере, – Олег положил на стойку две тысячные купюры.

Мужчина понимал, что ста листов текста там не наберется, но пусть этот долговязый подавиться. Все равно: Олегу эти деньги подбросили, так что – не жалко.

Через пятнадцать минут администратор распечатал указанные Олегом файлы. Художник схватил в охапку тридцать листов с текстом и быстро вышел из компьютерного клуба.

5

Домой... Нет, Олег не мог считать эту мрачную безжизненную квартиру, из которой похитили Катерину и Ксюшу, своим домом. Это – его временное обиталище, и когда он найдет своих любимых женщин, то семья вернется обратно в Волхов. Там их дом.

«Катя была права, – с горестью подумал мужчина. – Этот проклятый город нас сожрал. Их быстро, а меня будет медленно пережевывать, переламывая своими огромными зубами мои кости».

Набатову даже привиделось, что его тело зажато между разведенными створками Дворцового моста, который медленно и неотвратно сводится. Каменные сфинксы кричат нечеловеческими голосами, а медный Петр дико хохочет...

По пути в свое обиталище Олег все же решил зайти в магазин, купил еды и бритвенный станок.

Вернувшись в квартиру, прошел в кухню, и в покосившемся настенном шкафчике отыскал обгоревшую кастрюлю, налил воды и поставил на плиту. Пока Олег высыпалпельмени в кипящую воду, с нежностью вспомнил, как он вместе с Катериной и Ксюшей сами лепилипельмени в своем настоящем доме...

Набатов вновь почувствовал себя жутко одиноким. Он присел на табуретку, та отозвалась резким противным скрипом.

«Одиночество – это когда труп из морга забрать некому, а все остальное – временные проблемки! – попытался успокоить себя художник, но вместо успокоения пришла другая мысль, реальная и жестокая: – А, ведь, если я их не найду, то мой труп действительно некому будет забрать».

Без аппетита, лишь понимая то, что нужно поесть, Олег закидывал разварившеесяпельмени в рот и вяло пережевывал. Съев шесть-семьпельменей, мужчина больше не смог тратить время на безвкусную и бессмысленную трапезу. Нужно срочно читать распечатанные статьи и, возможно, тогда Олег приблизится хотя бы на миллиметр к пониманию того, где находятся его женщины, и кто причастен к похищению. Он выбросил оставшуюся тесто-мясную кучу в мусорный пакет и, взяв распечатанный текст, прошел в большую комнату. Усевшись поудобнее на ветхом диване, художник принялся читать.

«Краткая история Тернового Венца»

«Культ берет свое начало со времен крещения Руси. Конечно же, в 10—11 в. в. Терновый Венец не являлся культом, тем более, сплоченной тайной организацией и не имелось никакого названия. Это – люди, категорически несогласные с крещением Руси. Языческие славяне являлись почитателями различных верований и обрядов и никак не хотели принимать христианство. Тогда многие, чтобы избежать смерти за ересь, приняли христианство, но продолжали тайно приносить жертвы своим богам, прикрываясь Иисусом Христом. Люди глубоко в лесах выстругивали из дерева статуи Перуну, Стрибогу, Велесу и другим божествам. Конечно, все это хранилось в глубокой тайне, посвящались в нее лишь единицы.

В 1579 году до Ивана Грозного дошли слухи о том, что по Руси сохранились поселения, люди в которых продолжают поклоняться языческим богам и никак не хотят впустить в свою душу Христа. Царь собрал «секретное войско» числом в триста опричников и приказал искать по всей Руси языческие поселения и никого не щадить, всех еретиков убить, а деревни сжечь дотла. Доподлинно неизвестно, было ли создание «секретного войска» задокументировано, но в Московской летописи прямо говорится: «Царь Московский и вся Русь подписал Приказ и выслал из Москвы триста опричников. А ведомо в том Приказе: извести язычников поганых с земли Православной». К сожалению, если такой приказ и существовал, то до наших

дней он не сохранился. Ни один историк не берется утверждать, что сей факт действительно имел место быть. Скорее всего, царь отправил опричников на разведку в стан возможного врага, ибо в летописи ни слова не упоминается об их возвращении.

В 1873 году купец Растеряев Григорий Сергеевич из Петербурга, приобрел несколько книг из личной библиотеки Ивана Грозного. Среди них он обнаружил весьма странную книгу, выполненную из человеческой кожи, отделанную по краям ветками терна. Мы можем лишь предположить, что опричники Ивана Грозного выполнили его указ и вернулись, а в доказательство принесли книгу. Григорий Сергеевич был шокирован тем, что он там прочитал, и что-то его побудило совершать языческие обряды, которые подробно описаны в книге. Как утверждает один современный Петербургский историк, посвятивший много времени изучению родословной книги и семейной хроники Растеряевых, Григорий Сергеевич обнаружил в древней книге обряд, очищающий человека от всех грехов и обеспечивающий место в раю, что очень важно для православного человека. В ночь на 19 августа во время православного праздника Преображение Господне похищается женщина с дочерью, не достигшей начала полового созревания. Женщину обнажают и плотно обматывают колючими терновыми ветками, а затем до смерти забивают плетью на глазах у девочки. Здесь стоит отметить, что в христианстве терновая ветка, а, именно, венок – символизируют страдания, тяжёлый мучительный путь. После того, как женщину забил плетью до смерти, у девочки, которая вынуждена видеть весь тяжкий и мучительный путь матери, вырезается матка, и все участники ритуала выпивают по три глотка (во имя отца, сына и святого духа) «очищенной» от грехов крови...»

Дальше Олег читать не смог. Он в страхе отбросил листы и схватился за глаза, словно пытаясь вырвать из них ужасные образы, в которых Катерина и Ксюша играли главные роли. Сейчас художник впервые с момента пропажи жены и дочки ясно осознал, что они, скорее всего, уже мертвы. Все его внутренние органы поддались странной агонии. Олег болезненно обхватил живот и весь сжался, но через мгновение агония утихла, и он снова почувствовал, что может думать более-менее ясно.

«Видимо единственный человек, который сможет мне помочь – это таинственный доцент Рабинер Б. Е. Надо его срочно найти. Но как? Правильно, нужно начать с университета филологии. Прямо сейчас!» – Олег вскочил с дивана, но, посмотрев в окно, понял, что на дворе поздний вечер, и поездка в университет откладывается как минимум до утра.

Не зная, чем себя занять, ощущая беспомощность и ненависть к самому себе за бездействие, мужчина отправился в кухню, распаковал бритвенный станок и принялся шкрябать по щетине. После неприятного сухого бритья художник решил немного полежать, он знал, что в Петербурге метро открывается в пять утра или около этого. Взглянул на дисплей мобильного телефона и улегся на диван. До открытия метрополитена оставалось чуть больше четырех часов.

День третий

1

Солнечные лучи прорвались в комнату. Яркий свет разбудил Олега, он резко вскочил с дивана, посмотрел время на мобильном телефоне и с ужасом понял, что уже девять утра. По плану в это время Набатов уже должен быть в университете и разговаривать с Рабинером, если, конечно, эта фамилия склоняется. А еще телефон почти разрядился и где зарядное устройство Олег не помнит.

Ладно, телефон сейчас не важен, надо срочно ехать в университет. Мужчина прошел в коридор и заметил свое отражение в зеркале. Остановился. Сальные волосы торчали в разные стороны, заспанки в глазах, мятая рубашка и раздражение от бритья над верхней губой. Нет, в таком виде с ним точно никто разговаривать не станет. Художник вымыл голову хозяйственным мылом в кухонной раковине, ведь о походе в общественный душ не могло быть и речи, отмыл глаза, а потом долго держал лицо под струей холодной воды, желая ослабить раздражение от неудачного бритья. Закончив утренние процедуры, Олег опять посмотрел на свое отражение и с радостью отметил, что теперь он выглядит намного лучше. Надел кожаную куртку, чтобы скрыть мятую рубашку и вышел из квартиры.

Мужчина решил снова навестить председателя дома.

– Кто там? – послышался недовольный голос Анны Сергеевны. – Я с десяти принимаю.

– Это Набатов, – ответил Олег. – Я вчера у вас был.

Деревянная дверь приоткрылась, и в щели появилось гневное лицо председателя.

– Чего тебе еще нужно?

– Извините, Анна Сергеевна, что так рано, – мужчина замялся, видя недовольство женщины. – Просто, кроме вас я в городе никого не знаю, вот и пришел...

– Ну, говори, чего надо?

– Вы знаете, где находится университет филологии?

Олег мог поклясться, что видел, как женщина вздрогнула, и в ее посеревших от старости глазах мелькнул испуг. Но буквально мгновение спустя Анна Сергеевна собралась, и вновь на ее лице отразилось прежнее недовольство.

– Может, и знаю. А тебе зачем?

В этот момент художник решил, что ни в коем случае нельзя говорить правду.

– Там мой товарищ работает, росли вместе. В детдоме, – художник вздумал нагло врать в глаза женщине.

– Так позвони ему, коли он твой товарищ.

– Телефон вчера потерял, – Олег ответил первое, что пришло на ум, моля бога, чтобы никто сейчас не позвонил, – когда в полицию бежал. А там остались все номера.

Некоторое время Анна Сергеевна молчала и подозрительно осматривала мужчину с ног до головы. Минуту спустя ответила:

– На Дворцовой набережной, рядом с Марсовым полем. А теперь иди, у меня дел полно.

Дверь закрылась.

Но самое главное мужчина узнал и очень надеялся, что Анна Сергеевна не обманула. Олег сбежал по лестнице, но, оказавшись на улице, остановился, почувствовал, что словно кто-то прожигает взглядом его затылок. Резко обернулся и задрал голову. В окне четвертого этажа увидел Анну Сергеевну, та подозрительно смотрела на него и с кем-то разговаривала по телефону, а когда увидела, что Олег заметил слежку – быстро скрылась за шторой. Муж-

чина постоял еще несколько минут, рассматривая окно, но председатель не появилась, тогда он направился к своей машине.

Открыв дверь и усевшись в кресло, Олег заметил шнур зарядного устройства, торчащий из прикуривателя, воткнул его в телефон и завел автомобиль. Художник выехал из двора на проспект и понял, что совсем не знает города. Такие красивые названия как Марсово Поле и Дворцовая набережная без сомнения находятся в историческом центре Санкт-Петербурга, но поиск может занять весь день. Тогда Олег заехал на первую попавшуюся заправочную станцию и купил карту города, заодно и заправил свою верную «Ладу». Отъехал чуть от заправки и припарковался, минут десять мужчине потребовалось для того, чтобы найти на карте нужные названия и выстроить приблизительный маршрут. Вновь тронувшись и аккуратно встроившись в плотный поток автомобилей, художник включил магнитола. По «Нашему радио» пел Шевчук, напоминая, что «Ты – не один». Олегу эта песня приподняла настроение, конечно, в рамках того, насколько высоко может подняться настроение, когда ты практически уверен, что твои жена и дочь мертвы. Мужчина обрел уверенность, что и он теперь «не один» и Рабинер поможет во всем разобраться. Появилась надежда, что Олег даже успеет спасти семью.

С улицы Пестеля мужчина повернул на набережную Лебяжьей канавки, справа тянулся Летний сад, а слева простиралось Марсово поле. Олег был впечатлен красивыми видами Санкт-Петербурга, а еще ему понравилась карта, ведь на ней предусмотрительные картографы поместили ромбиком академической шапочки здание университета и подписали аббревиатуру СПб-ГУФ. Выехав на Дворцовую набережную, Олег с большим трудом отыскал место, где можно оставить автомобиль. Перед тем как выйти из машины художник долго рассматривал свое лицо в зеркало заднего вида, выискивая изъяны, которые могут выдать в нем алкоголика, наркомана или безумца. Набатов застегнул молнию куртки до конца, стараясь скрыть мятую и грязную рубашку, еще раз посмотрел на отражение и вышел из машины, направившись к большим дверям университета.

Попав в небольшой холл, Олег увидел турникеты и сидящего в стеклянной будке охранника. Стало ясно, что без студенческого билета или пропуска в университет не пройти. Мужчина вернулся на улицу, надеясь, что охранник не успел его заметить и стал думать, как же попасть в университет, но в голову ничего не шло. Неожиданно художника посетила превосходная мысль, по крайней мере, ему так показалось. Олег вновь открыл двери университета и уверенно подошел к будке с охранником.

– Здравствуйте, меня зовут Олег Набатов. Мне собеседование назначено, – он достал телефон и посмотрел на экран. – На одиннадцать тридцать.

Пожилой мужчина с роскошной седой бородой оторвал взгляд от кроссворда и посмотрел на Олега. Затем медленно полистал большой журнал и сказал:

– Не знаю ничего, нет у меня информации о собеседовании.

– Как же так? – Олег почувствовал, как адреналин бахнул в кровь, сердце бешено застучало, а лицо побледнело. Но, несмотря ни на что, он решил идти до конца. – Мне вчера прислали электронное приглашение, написано: будут ждать в одиннадцать тридцать в отделе кадров. Посмотрите еще раз, может у вас какая ошибка.

– Ох, уж эти электронные приглашения. В наше время все просто было, по-людски как-то, – забубнил пожилой охранник. – Ладно, паспорт давайте.

Олег достал документ из внутреннего кармана и протянул вахтеру, тот записал данные в журнал и вернул паспорт.

– Скажите, а где отдел кадров?

– Подниметесь на пятый этаж и идите налево. В конце коридора, – ответил охранник и уставился в кроссворд.

За турникетами начиналась широкая лестница, и Олег уверенным шагом поднялся на пятый этаж. Коридор тоже оказался очень широким, на много метров протянулся влево

и вправо. Художник пошел налево, как и сказал охранник. По обеим стенам располагалось много дверей с номерами учебных аудиторий. До начала учебного года оставалось еще больше недели, поэтому коридор оглушал пустотой. Шаги одинокого человека гулко разносились по замкнутому пространству. От этого становилось жутко. Мужчина ускорил шаг, он почувствовал, что за ним кто-то наблюдает, и нет сомнений, что это те, кто организовали похищение. «Терновый венец». Олег резко обернулся.

Никого.

Наконец он увидел перед собой дверь с пластиковой табличкой «Отдел кадров». Олег постучал, послышалось приглашение, и мужчина вошел. Он оказался в просторном кабинете, в котором преобладал коричневый цвет. Справа стоял пустой стол, за ним расположился большой книжный шкаф. У дальней стены, прямо у большого окна, громоздился дубовый стол, за которым сидела приятная женщина лет пятидесяти, с золотистыми волосами, аккуратно уложенными и схваченными резинкой на затылке. Ее плавные черты лица и чуть заостренный нос, на котором элегантно устроились маленькие очки, располагали к доверию. Женщина оторвалась от компьютера и посмотрела на посетителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.